

В. В. БЫКОНЯ (Томск)

СТРУКТУРА НАИМЕНОВАНИЙ КРУГЛЫХ ДЕСЯТКОВ В ДИАЛЕКТАХ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА

В статье анализируются обозначения круглых десятков с точки зрения принципов их моделирования и исторических преобразований. Основу описания составляет диалектный материал, сохраняющий архаичные черты и позволяющий проследить генезис новообразований. Числительные относятся к основному словарному фонду, они непременно попадали в поле зрения лингвистов. Письменные памятники начала XVIII века отражают определенный круг числовых обозначений, но он ограничивается в основном первым счетным рядом, в лучшем случае — круглыми десятками. Материалы XIX века М. А. Кастрена и Н. П. Григоровского дают уже полную картину словообразовательной системы данного разряда слов. Сопоставление современного материала диалектов с историческими данными позволяет проследить некоторые тенденции в становлении системы числительных и установить хронологию языковых изменений.

Для сравнения привлекаются данные близкородственных языков. Селькупский язык имеет в области числительных свои специфические особенности. Они проявляются и в пределах числительных первого десятка, и в составных, и в сложных числительных, к которым относится анализируемый разряд слов. Различия наблюдаются и на уровне селькупских диалектов, что свидетельствует об их территориальной и языковой обособленности, а также о различной степени влияния внешних факторов. Известно, что южный регион селькупов испытал заметное влияние татарского языка, а северный регион средней Оби — хантыйского (см. Кастрен 1860 : 294). Кроме того, в сфере числительных проявляются следы совместного проживания или близкого контактирования селькупских племен с южносамодийскими.

В качестве схемы диалектного членения селькупского языка принимается его деление на северный и южный языковые ареалы (Janurik 1985 : 283). Северный ареал составляют тазовско-туруханско-елогуйские говоры, южный распадается на ряд диалектов. М. А. Кастрен (1860 : 294) выделял в пределах Томской губернии три наречия: 1) нижнее (тымское, верхне- и нижненарымское), 2) среднее или кетское, 3) верхнее (по Чулыму и Оби). Е. А. Хелимский (1993 : 371, 372) подразделяет южную диалектную область на центральный диалект (тымско-нарымские говоры), южный диалект (говоры средней Оби ниже и выше г. Колпашево, говоры нижней Чаи, нижнего Чулыма и нижней Кети) и кетский диалект. Принимая в общих чертах это члене-

ние, учитывая географический принцип в сочетании с этнолингвистическим А. П. Дульзона (1971 : 35) и исследования томских лингвистов (Морев 1973; Деннинг 1984; Купер 1983), используем при подаче фактического материала более дифференцированный подход к диалектно-говорным подразделениям.

Заметно различающиеся между собой говоры центрального диалекта с самоназванием Чумылькуп (тымские и нарымские) подразделяем на тымский диалект и среднеобские говоры Чумылькуп. Кетский диалект в силу особенностей консонантизма распадается на три говора: нижнекетский, среднекетский и верхнекетский (Купер 1983 : 90). Говоры Натско-Пумпокольской волости (= NP Castrén) относятся к верхнекетским. Особое положение занимают говоры деревень Старо-Сондрово и Ново-Сондрово, расположенных на Оби выше г. Колпашево. В научной литературе они даются с пометой «верхнеобские говоры» (ср. Кастрен, «верхнее наречие») или сондровские говоры (Кузьмина, Кюннап 1986). Г. Н. Прокофьев и А. П. Дульзон причисляли эти говоры к кетскому диалекту (Прокофьев 1935 : 7; Dulson 1971 : 35). Е. А. Хелимский относит их к южному диалекту наряду с исчезнувшими ныне чаинским говором сюсюкой кум и чулымским говором тьюкумов (1993 : 371). Исследования числительных обнаруживают много общих черт в рамках данного диалектного объединения. Представляя южный ареал расселения селькупов в пределах средней Оби, эти говоры являются в настоящее время единственным говорным подразделением южного диалекта; в статье они снабжены пометой «среднеобские говоры Сюсюкум».

В бассейне Средней Оби между городами Нарым и Колпашево распространены говоры Шешкуп. Согласно используемой нами классификации (Хелимский 1993 : 371), они относятся к южному диалекту, но занимают в нем несколько обособленное положение. Несмотря на территориальную близость к среднеобским говорам Сюсюкум, они в языковом отношении тяготеют к говорам Чумылькуп. Выделяем их в самостоятельное подразделение — среднеобские говоры Шешкуп.

Наименования круглых десятков от '20' до '90' моделируются в селькупских диалектах по разным схемам и имеют в основе разные принципы образования. 1. Словообразование отражает древний способ номинации, связанный с конкретными качествами считаемых предметов; используется модель: «название единицы + *sarj̄m*» с опорой на десятичный принцип. Сложные числительные, образованные таким путем, переходят в разряд производных, так как *sarj̄m* постепенно превращается в частицу и выполняет роль деривационного аффикса. 2. Умножение по принципу десятичной системы и по модели: «название единицы x + *köt* '10'. Возможности данного принципа расширяются за счет использования в качестве второго множителя обозначений '20' *štaru* (= 10) и '100' *tot* (= 10). 3. Субтрактивный принцип — вычитание из '100'.

Как явствует из сказанного, модели различаются этимологией второго компонента. Компонент *-sarj̄m* представляет собой производное существительное от глагола *sarugu* 'завязать, связать' и имеет значение 'вязка, связка шкурок десятками' (Прокофьев 1935 : 42). Слово *sarj̄m* присоединялось к числительным *okkijr* 'один': *okkosarē* 'десяток', и *tot* '100': *tossarj̄m* 'сотня'. Связка шкурок десятком служила эквивалентом при купле-продаже, обмене, уплате дани. Количественные обозначения были связаны с предметами определенного рода. Следующим компонентом является *köt* '10'. Модель, основанная на десятичном принципе, появилась в селькупском языке недавно, предположительно на рубеже XIX и XX веков. Она отмечается для всего

счетного ряда в говорах Шешкуп, в других диалектах встречается sporadически. Следующие два компонента характеризует отсутствие этимологической связи с обозначением '10'. Семантическая особенность компонента *-štaru* заключается в том, что исходным значением лексемы является 'двадцать': *štaru* мотивировано числительным *šittj* 'два'. Компонент *tot* обнаруживает наряду со значением '100' значение '10'.

С точки зрения продуктивности приоритет в языке принадлежит первой модели. Во всех исторических письменных источниках эта модель была единственной. Компоненту *-sarj̄m*, который выполняет роль форматива в обозначениях круглых десятков, присуще изменение звукового облика. Оно связано с редукцией конца слова: *sarj̄m* > *sarj* > *sar* (в *s*-овых говорах) и **χarim* > *χaro* > *aro* > *ar* (в *χ*-овых говорах), и привело к появлению словообразующей аффиксальной морфемы *-saru, -sar, -χaro, -aro, -aru, -ar*.

Сопоставление современного состояния селькупских диалектов с предшествующим хронологическим срезом — состоянием XIX века — позволяет проследить ход изменений, связанных с рассматриваемым компонентом в данной группе числительных:

Castrén	<i>-háru, -áru</i>	ТМ: обС Ч	<i>-aru, -aro, -γāro, -jaru</i>
МО	<i>sarm</i>	обС Ш	<i>-sāru, -cāro, -car, -saru</i>
К	<i>saarm</i>	кетВ	<i>-sāram, -saram</i>
		кетС	<i>-sārəm, -sārom</i>
		кетН	<i>-sorj̄m</i>
ОО	<i>sārm, saarm</i>	обС С	<i>-sārj̄m, -zārəm, -saru, -sari</i>
Tas	<i>sār, sar, saar</i>	таз.	<i>-sar</i>
		турук.	<i>-sar</i>
		ел.	<i>-sari</i>
NP	<i>saram, saaram</i>	Марк.	<i>-sar</i>
Tschl.	<i>sarm, saaram, saarm</i>	тым.	<i>-sar, -zar, žar</i>

В материалах XIX века, зафиксированных М. А. Кастреном, преобладала полная форма, лишь тазовский диалект и нарымские говоры (у М. А. Кастрена без пометы, адекватны формам современных среднеобских говоров Чумылькуп) имели звуковой облик аффиксальной морфемы. В наше время сужается ареал распространения лексемы *sarj̄m*: он ограничен диалектом Сюсюкум. Данный период характеризует тенденция к фонетическим модификациям компонента, который выполнял словообразовательную роль в названиях круглых десятков. В материалах конца XIX века Н. П. Григоровского по чаинскому говору эта лексема также сохраняет свою полную звуковую форму *-сарым*. Исключение составляет название '20' в составном числительном '25': *сóмблагвас-сыдáрымь* (< *сид* + *арым*) (Григоровский 1979 : 19). А в современных говорах среднеобских сюсюкумов уже фиксируется ее переход в аффикс.

В обозначениях '80' и '90', т.е. десятков, приближенных к '100', *sarj̄m* в качестве составного компонента оформляется суффиксом родительного падежа *-n/-t*: Castrén МО *sarmot*, В *-sarmant*. Следовательно, еще в недавнем прошлом *sarj̄m* функционировала как лексема с конкретной семантической наполненностью.

Числительные, являющиеся обозначениями круглых десятков, имеют в качестве первого компонента в основном неизменяемую форму количест-

венного числительного из первого счетного ряда. Но встречаются случаи оформления первого компонента показателем *-n/-t*, ср. Str. Nar. *schita naro* < **schitan aro*; ТМ тым. *šetštar* '20' (< *šitet štar*); *naktštar* '30' (< **nakjrtštar*); *tejnžar* '40' (< *tetjñ žar*). Форма *tejn* развивается в результате выпадения интервокального *-t-* и стяжения гласных в дифтонг *-ei*. Относительно суффиксального оформления первого компонента возможны две трактовки: либо мы имеем дело с формой собирательного числительного, ср. *šitan* 'двоем', *tettjñ* 'вчетвером', либо *-n/-t* свидетельствуют об исходной склоняемой форме и представляют таким образом родительный падеж. Модель с суффиксальным осложнением первого компонента в современных диалектах непродуктивна.

В анализируемом числовом ряду особого внимания заслуживает числительное '20'.

Числительное 'двадцать'

Оно представлено следующими формами: Str. Tschl. *thisarm*; Nar. *schita naro* (видимо, *schita haro*); CL *šeda hāru*, MO *ses sarm*; K *ses saarm*; NP *sis saaram*; Tschl. *tes saarm*, OO *tes sārmm*. Tas *šitsār*, B *šit saar*, Kar. *šite sar*; Плот. *уѣдцару*; Григ. *сѣдцарым*; таз. *šittysar*, *šittsar*, *šitsar*; ТМ турух. *šitsar*; ел. *šitsa-ri*; кетВ *šjssārjñ*; кетС *šjсарjñ*, *sisārjñ*, *čisārəm*; обС С *šjssārjñ*, *səsa-ri*, *tjssari*, *djсарjñ*, *səsa-ru*; обС III *šedsaru*, *šitsar*; обС Ч *šida-ro*, *štaru*, *šidə šöda-ra*; тым. *šitsar*, *šitsār*, *šetštar*.

Числительные '20', зафиксированные в разные исторические периоды, характеризует своеобразие звуковой формы. Оно касается первого компонента, мотивированного числительным '2', и проявляется в следующем:

1) В кетском диалекте числительное сохраняет звук *s*, в то время как в числительном *šittj* '2' развился звук *š*. Словоформа *sisārjñ* сохранила в анлауте сибилант и представляет таким образом первоначальную звуковую форму числительного '2'. Этому способствовали ассимилятивные процессы типа *sisārjñ* < *sissārjñ* < **šitsarjñ* < **šittsarjñ* < **šittj sarjñ*, поскольку словоформой утрачен звук *t*. Ассимилятивное влияние *s* второго слога на анлаутный *s* стало стабилизирующим фактором.

2) Анлаутный *s* в *čjdcar* (XIX в.) развился из аффрикаты *tc* (ср. диал. Str. *tzidai* '2') в результате устранения ее смычного компонента (ср. Морев 1973 : 168).

3) В формах Str. Tschl. *thisarm*; CL Tschl. *tes saarm*; OO *tes sārmm*; ТМ обС С *tjssari*; кетС *čisārəm* (анлаутные звуки *t* и *č* часто встречаются в соответствиях простых согласных и аффрикат, см. Морев 1975 : 238; 1985 : 67), соответствие первому компоненту встречаем в камас. *tschida*, койб. *tschidä* и в одном из селькупских диалектов Клар. *čita* '2': J 71 *tš* < сам. **k*. Сложный смычно-щелевой звук *tš* упрощался в селькупских диалектах в сторону не только утраты смычного, но и сохранения его: *tš* > *th* > *t*. Таким образом можно объяснить *thisarm* (< **thita* '2'), *tessarm* (< **teta* '2'). Числительное '2' с анлаутным смычным не сохранилось в диалектах, а '20' иллюстрируется следующим примером: кетС *šitəq t'it'angu čisārəm* '18' (букв. два отсутствует двадцать); обС С *tjssarej püd'zillaga tataj* 'двадцать губ (для дымокура) набрал'; *sədəd'etkol-djсарəm* '28' (букв. восемь лишний двадцать). Аспирированные смычные были распространены в селькупских диалектах, о чем свидетельствуют материалы XVIII века (см. Donner 1932). Такой же характер имели ка-

* Здесь возможна опечатка: *schita naro* вместо *šita haro* (ср. аналогично *Nomblach* вместо *Homblach* (Donner 1932 : 8)).

масинские взрывные (Кюннап 1965 : 49). Видимо, явление было ареальным и приходилось на период совместного камасинско-селькупского проживания в Западной Сибири в бассейне Оби (см. Беккер 1965 : 13—16; Becker 1994 : 1). Чередование гласных корня $e \sim i \sim \varepsilon$ могло носить факультативно-индивидуальный характер (Морев 1973 : 132).

4) Гласный корня первого компонента выпадает: $\check{s}idar\textcircled{a} > \check{s}idar\textcircled{o} > \check{s}tar\textcircled{o} > \check{s}tar$. Затем $\check{s}tar$ приближается функционально к аффиксу $-sar$ и образует наряду с ним обозначение '20': ср. $\check{s}itsar$ и $\check{s}tet\check{s}tar$. В основе второй формы лежит дупликация корня $\check{s}t-$.

В связи с этим следует особо выделить семантическую особенность числительного 'двадцать' — способность выступать словообразовательным формативом названий круглых десятков по схеме 'название единицы + название двадцати'. Такие структуры отмечаются в разные периоды истории селькупского языка: 1) в языке чулымских туюкумов XVIII века: $nag\text{-}thisarm$ '30', $thi\text{-}thisarm$ '40', $ssombi\text{-}thisarm$ '50' и т.д. (ср. язык живших по Кану «котовцев»: $nogh\text{-}tuserm$ '30', $nogh\text{-}opp\text{-}tuserm$ '40', $soum\text{-}tuserm$ '50' и т.д., Donner 1932 : 8); 2) в современных диалектах: тым. $\check{s}tet\text{-}\check{s}tar$ '20', $nakt\text{-}\check{s}tar$ '30'; обС Ч $\check{s}ida\ \check{s}odar\textcircled{o}$ '20', $\check{s}idj\check{c}angwel\text{-}\check{s}taru$ '80', $oq\check{a}r\check{c}angwel\text{-}\check{s}taru$ '90'.

Способность слова $\check{s}idar\textcircled{o}$ '20' выполнять роль круглого числа как '20', так и '10' проявляется и в составных числительных, например, обС Ч $\check{s}ida\text{-}ru\ \check{s}id\check{z}angu\ \check{s}ida\text{-}ru$ '28', $\check{s}idar\textcircled{o}\ ok\check{a}r\check{z}a\text{-}ngu\ \check{s}idar\textcircled{o}$ '29'. Определить семантическую функцию словоформы $\check{s}idar\textcircled{o}$ в словосочетаниях позволяет сопоставление с другими единицами данного ряда, в частности, '24' имеет вид $\check{s}ida\text{-}ru\ tet$, '25' — $\check{s}ida\text{-}ru\ \check{h}ombla$; '26' — $\check{s}ida\text{-}ru\ muktut$. Отсюда следует, что первый компонент, представленный $\check{s}ida\text{-}ru$, имеет в обозначении '28' значение '20', третий компонент, выраженный этой же лексемой, имеет значение '10', и внутренняя форма числительного расщепляется как 'двадцать два-отсутствует-десять', т.е. 'двадцать восемь'.

Особенность числительного 'двадцать', состоящая в передаче круглого числа, в научной литературе связывают с понятием '(весь) человек', 'человек закончен' (Климов, Эдельман 1987 : 33). Представляют интерес мнения лингвистов о возможном происхождении финно-угорского числительного 'двадцать', в самодийских языках его внутренняя форма достаточно ясна, она образована на десятичной основе.

Точки зрения на происхождение числительного 'двадцать' изложены в КЭСК (150, 151): 1) удм. *кызь*, манс. *khus*, хант. *Ni hus*, венг. *húsz* сопоставляются с морд. *комсь* (*komś*, *komás*) '20' и расчленяются на две части *кы-зь* < **ко-мысь*, что должно было означать 'два десятка'; 2) коми и удм. *кызь* происходят от слова, обозначающего 'человек, мужчина'; первоначально оно показывало число пальцев человека на руках и ногах. Такой же путь становления числительного '20' предполагает К. Е. Майтинская, но усматривает в ф.-у. **koj(e)ćš* или **kuśz* существительное **koje* 'человек', оформленное детерминативным суффиксом **ći*/*će*. Символической основой переосмысления могло послужить, по ее мнению, представление о человеке как о существе, имеющем на руках и ногах двадцать пальцев (Майтинская 1979 : 174). Третья точка зрения на проблему происхождения числительного 'двадцать' принадлежит К. Редей и свидетельствует в пользу его восприятия как круглого числа. Современное значение '20', по мнению К. Редей, могло возникнуть через значение 'ein Packen aus zwanzig Stück, Bündel, z.B. zwanzig Eichhörnchenfelle oder Fische' в поздний финно-угорский период (UEW 224).

На определенном этапе создания счетной системы числительное 'двад-

цать' использовалось как круглое число у разных народов. Оно служило основообразующим элементом в названиях круглых десятков и сотен, однако счет в этом случае велся «двадцатками» (см. Фатнева 1989 : 30).

В отличие от счета «двадцатками» при вигезимальной системе счета в селькупском языке наблюдается использование '20' в качестве второго множителя при счете «десятками». В рамках существующей десятичной системы вариативное использование '20' следует считать нормой, так как оно не приводит к ее разрушению и подчиняется ее принципам, ср. *šisar* '20' и *šida šōda-ra* '20' (2 × 10). Отсюда следует признать полисемантическую лексему *šida-ru*: 1) 'двадцать', 2) круглое число = '10'. Ее первое значение подтверждается этимологическим анализом, второе восстанавливается из лексического материала. Истоки явления восходят, видимо, к уральскому периоду. А. Йоки полагает, что «...die Bevölkerung der späturnuralischen Periode wohl schon das Bedürfnis fühlte, gewisse Zahleinheiten auszudrücken: Anfänge zum Paarsystem sowie zum Vigesimalssystem (20 = «der (ganze) Mensch»)... waren wahrscheinlich bereits damals vorhanden...» (Joki 1975 : 731).

Селькупские числительные 'двадцать' не обнаруживают на синхронном срезе этимологически тождественных параллелей в группе родственных языков. Обращение к фактам истории языка, в частности, к материалам XVIII века Ф. Й. фон Страленберга, позволяет усмотреть в одном из саяно-самодийских языков некую параллель селькупской форме *Str. thisarm*. Речь идет об абаканском *tuserm*.

Языковой материал, который Ю. Янхунен дает с пометой *ab.* = абаканский, приводится в таблице к книге Ф. Й. фон Страленберга (*Str.* 8) как «kanskoj» (относящийся к языку живущих по Кану «котовцев»). К. Доннер считает, что несколько числительных были записаны от камасинца. Е. А. Хелимский оставляет вопрос о языковой принадлежности этих числительных открытым, поскольку числительное *tuserm* '20', а также формант в названиях круглых десятков не находят параллелей в других саяно-самодийских диалектах (см. Хелимский 1982 : 37).

При отсутствии параллелей в саяно-самодийских языках обнаруживается параллель в одном из говоров селькупского языка, а именно — в говоре чулымских тьюкумов. На наш взгляд, не вызывает сомнения этимологическое тождество вторых компонентов *-sarm* и *-serm*. Но при полном совпадении числительных 'два' одного временного среза, ср. *Str. Tschl. tzidai*, *ab. tzida*, числительные *thisarm* и *tuserm* '20' различаются гласным первого компонента *thi-* и *tu-*. Видимо, для первых компонентов следует предположить разные источники происхождения. Первый компонент формы *tu-serm* можно соотнести с караг. *tut* (с последующими ассимилятивными процессами *tuserm* < **tuserm* < **tutserm*), проявляющимся в названиях круглых десятков в качестве словообразовательного форматива, ср. караг. *güde-tut* '20', *nahur-tut* '30'. Здесь же следует упомянуть и селькупскую форму числительного '80' обС Ч *šedečangwel tot*. При десятичном принципе образования ни караг. *-tut*, ни сельк. *-tot* не являются обозначениями числа 'десять'. Напрашивается их возведение к сам. **ton* 'число'. Но при таком подходе нарушается логическое обоснование внутренней формы числительного '20': оба компонента оказываются не связанными с числовыми обозначениями. В самодийских языках это единственный, не имеющий аналогов словообразовательный принцип. Здесь возможно влияние енисейских языков. В материалах XVIII века в енисейских языках отмечен в составе числительного '20' компонент *тук* (мн. ч. *тукн*, *тукнэ*), не встречающийся в самостоятельном употреблении как '10': асс., кот. *ин-тукн*,

койб. *ын-тугу, ын-тунг* (Страленберг), ар. *кин-т'унг* (Дульзон 1968 : 130). Здесь могло произойти переоформление словоформы, в частности, ее первого компонента, а отсюда и своеобразная по составу форма — *tuserm* '20'.

Отсутствие в составе названий круглых десятков числительного со значением '10' свидетельствует о том, что самодийские языки проявляют следы более древних способов счета, в системах которых не выявляется этимологическая связь с названием для '10'. Аналогичная ситуация отмечается в некоторых финно-угорских языках, ср. комиЗ и удм. *дас* '10', но комиЗ *ветымын* '50', удм. *вить-тон* '50', с объяснением, что каждый десяток связывался с каким-нибудь существительным. В ряде тюркских языков уже позднее образовалась новая система обозначения десятков с числительным *он* '10' (см. Серебренников, Гаджиева 1979 : 128).

Данная особенность характерна лишь для некоторых из самодийских языков (селькупский, карагаский, абаканский). В своей основе названия круглых десятков связаны в самодийских языках с названием единицы и названием десяти: нен. (С) *šit ju*'; койб. (Р) *schidwit*, (Sp.) *сыдыбеть*; тайг. *kiddi-djur* (Janhunen 1977 : 71); нган. (Т.) *сiti бу* (букв. 2 × 10). В селькупских диалектах такой способ образования также получает распространение: обС Ш *šed köt* '20', *nagur köt* '30'.

Числительные 'тридцать ... девяносто'

Другим обозначениям круглых десятков присуща та же модель построения словоформ, что и числительному '20'. Схема, предусматривающая функционирование в качестве словообразовательного формата лексемы *sarj̄m*, доминирует в диалектах на всех зафиксированных хронологических срезах и охватывает ряд '30 — 70'. Смена модели начинается после '70', обозначения '80' и '90' конструируются на основе субтрактивного принципа (вычитание из 100). В современных диалектах для '80' и '90' сохраняется субтрактивный принцип, но появляются (по отношению к зафиксированным) другие модели, основанные на десятичном принципе ($x + köt$, $x + tot$, $x + štaru$). Нельзя однозначно утверждать, что эти модели являются инновационными, поскольку не весь материал мог попасть в поле зрения предшествующих исследователей. Современное состояние диалектов более полно представлено в полевых материалах, находящихся в распоряжении автора, поскольку сбором лингвистического материала занимались многие томские лингвисты.

Модели числительных 'тридцать ... семьдесят'

1. Название единицы + *sarj̄m* (*saru, sar, haru, ar*)

'30': Castrén *nafáru*, MO *nak sárm*, K *naars saarm*, Tschl. OO *nak sárm*, Tas *naar saar*; Plot. *наг-цару*; Григ. *нагсáрым*; таз. ОчСЯ *nassar, nossar*; ТМ кетВ *nársaram, nársār*; обС С *naksārj̄m, nagsārj̄m*; обС Ш *nagursā-ru*; обС Ч *naβa-ro, naɣwa-ro, naksar*; тупух. *nasar*; ел. *nossarīj̄*;

'40': Castrén *te haru*, MO *ties saarm*, K *tes saarm*, Tschl. OO *ties saaram*; Tas *teet sar*; Plot. *тэ-цару*; Григ. *теcáрым*; таз. ОчСЯ *tēsar*, ТМ кетВ *tiesāram, tettā sārj̄m, tettāsar, tessārəm*, кетС *tēsārəm*; обС С *tēsarj̄m*; обС Ш *te-ttj̄sa-ru*; обС Ч *teta-ro, teɣā-ro, teja-ru*; тупух. *tezar, tesar*; тым. *tēzar*.

'50': Castrén *hompla haru*, MO *sombla sarm*, K *somble saarm*, Tschl. OO *sombele saarm*; Tas *sombela sar*; Plot. *сомбъцару*; Григ. *сомбласáрым*; таз. ОчСЯ *sompy-lasar*; ТМ кетВ *sombla sārj̄m, somblesā-ram, somblezarj̄m*; кетН *soble sorj̄m*; обС С

sobbjās-rəm; обС Ш *sombla:sā-ru*; обС Ч *χombla-ro, ombla-ro*; тым. *so-mblazar, sum-blazar*;

'60': Castrén *mukta haru*; МО *muk̄ saarm*, К *muk̄ saarm*; Tschl ОО *muk̄ saarm*; Tas *muktes sar*; Григ. *mycáрым*; таз. ОчСЯ *muktyssar, muktsar, muksar*; ТМ кетВ *muktut sāram, muksārj̄m*; кетС *muksarəm, muktut sarom*; обС С *muksārəm*; обС Ш *mu:ktetsā-ru*; обС Ч *mukta-ro, muxtaro*; тым. *muktəsa-r*; турух. *muktsar*;

'70': Castrén *heldše haru*; МО *sei sarm*; К *see saarm*; Tschl ОО *sei saarm*; Tas. *seeldje sar*; Григ. *ceýcáрым*; таз. ОчСЯ *selcysar*; ТМ кетВ *sē-sāram, sel'du sarj̄m*; кетС *sel'duzārəm*; обС С *sejza-rəm, sē:ld'isā-rj̄m*; обС Ш *se:l'dāsā-ru*; обС Ч *xel'žaro, el'žaro*; тым. *se:l'd'sa-r*.

Основные фонетические особенности обозначений круглых десятков сводятся к тому, что первый корень, который репрезентирует единицы первого счетного ряда, проявляет тенденцию к сокращению звукового облика. Деструктивный характер изменений коснулся всех обозначений круглых десятков. В материалах XIX века и в современных диалектах встречаем анализируемые словоформы примерно в равном соотношении полных и редуцированных вариантов. В основе фонетических изменений числительного '30' лежат сокращение второго слога числительного *nagur* 'три' → *nag(sārj̄m)*, синкопа инлаутного согласного и стяжение двусложного слова в односложное: *nagur* → *nār(saram)*. Ассимилятивные процессы отличают современное состояние диалектных форм от исторических, ср. таз.-турух. *nasar* < *nassar* < *naarsar*, в говорах Чумылькуп *naβa-ro* < *naɣwa-ro* < *naɣuraro*. Гласный второго слога *u* переходит по принципу экономии произносительных усилий в согласный губного ряда, а *r* подвергается диерезе.

Числительное '40' лишь в отдельных случаях сохраняет исходную звуковую форму числительного *tettj̄ '4'*. Оно представлено, как правило, звуковым комплексом *te-*, развившимся в результате изменений ассимилятивного характера: *tettj̄ sarj̄m* > *tetsarj̄m* > *tessarj̄m* > *tesarj̄m*. В числительном '50' редуцированный вариант первого компонента соответствует звуковому комплексу *sombi-*, совпадающему с этимологическим корнем. Числительное '60' выступает на разных хронологических срезах в двух вариантах: в говорах Шешкуп, Сюсюкум и Тьюкум оно регулярно представлено сокращенным вариантом первого компонента *muk-* (< *muktj̄t*), в современном состоянии этих диалектов встречаем параллельные формы; в говоре Чумылькуп в XIX веке отмечены полные формы, в современном состоянии — изменения, связанные с элизией конечного звука: *mukta haru* < *miktj̄t haru*. Современные формы демонстрируют очередной этап фонетических изменений: *mukta haru* > *muktaro* > *muxtā-ro*. Аналогичные изменения наблюдаются в диалекте Селькуп: *muktes sar* > *muk-tssar* > *muktsar*.

Те же диалектные особенности характеризуют числительное '70': наличие краткой формы первого компонента в виде *sei-*, *see-* в XIX веке в говорах Шешкуп, Сюсюкум и Тьюкум и параллельные варианты в современном состоянии, в говоре Чумылькуп и ранее наличествовали и в синхронии представлены полные формы. Отсюда следует, что в южном диалекте ассимилятивные процессы проходили более интенсивно. Характерно, что первый компонент деформируется до определенного уровня. Представляется, что корень, соответствующий этимону, редукции не подвергается. К такому выводу подводят сопоставления типа *sobbjisa-rəm* < *sombjīsā-rəm* '50' с соответствующими корнями *somba-rgu* 'шаманить', *somberigum* 'шаман'; *muksarj̄m* '60' с кетН *mukki* 'загривок', кетВ *muk-ul'žam* 'я наклонился', кетН *mug-a-lgu* 'положить за пазуху'.

2. Название единицы $x + thisarm$ ('10' = '20')

Такие модели отмечены Ф. Й. фон Страленбергом в говоре чулымских туйкумов: *nag-thisarm* '30', *thi-thisarm* '40', *ssombi-thisarm* '50', *muck-thisarm* '60', *ssælgie-thisarm* '70'. Аналогом в современных диалектах является модель для '80' и '90' в говорах Чумылькуп. Модель непродуктивна.

3. Название единицы $x + k\ddot{o}t$ '10'

Модель в современный период получила распространение в южнодиалектном ареале: кетН *muktut k\ddot{o}t* '60'; обС Ш *nagur k\ddot{o}d* '30', *tet k\ddot{o}d* '40', *sombla k\ddot{o}d* '50', *muktod k\ddot{o}d* '60', *sel'd' k\ddot{o}d* '70'. Числительные остаются на уровне словосочетания.

4. Название единицы $x + \check{c}ang\beta'etk\beta'e-it$ '10' (понятие '10' передается описательно).

Модель зафиксирована в единственном варианте для '30': обС Ч *nāgur-ča:ŋgβ'etkβ'e-it*, подтверждается формой числительного '20' *šiča:ŋgβetkβ'e-it*, включающей, кроме первого компонента, аналогичные мотивирующие элементы. Первыми компонентами являются *nagur* '3' и *ši-* < *šittj* '2', второй компонент *-čangβ'etkβ'e-it* расшифровывается как 'отсутствует-десять-остаток-десять', что в итоге следует приравнять к '10'. Компонент *-čangβ'etkβ'e-it* выполняет функцию второго множителя, в основе модели — десятичный принцип.

Рассмотрим иные варианты трактовки внутренней формы данных числительных, поскольку морфологический состав словоформ своеобразен и характер их осмысления может быть другим: а) предположим, что морфемный шов делит словоформу на компоненты *šiča:ŋgβet-* и *-kβ'e-it*. Тогда первый компонент соответствует числительному *šičangβet* '8', второй расшифровывается как 'остаток десять' и в совокупности имеем '18'. Но при таком подходе *nāgurčangβ'etkβ-it* соответствует '17', так как *nāgurčangβet* по аналогии с числительным '8' должно обозначать '7'. Однако '7' имеет свое наименование и его других вариантов не выявлено. б) Не исключена возможность синкопы слога, соответствующего наименованиям чисел '2' и '3', из состава второго компонента **šiča:ŋgβet-(šit)-kβ'e-it* и **nāgurčangβet-(nar)-kβ'e-it*. Такое явление распространено в системе числительных в селькупских диалектах, ср. Григ. *sydygvasmolčalton* '82' < **sydy-gva-sysarmol-čal-ton*. Но в таком случае и первое, и второе числительные, исходя из их внутренней формы, будут соответствовать '20', ср. **šiča:ŋgβetšitkβ'e-it* в сумме компонентов составляет '20': 8 + 12, и **nāgurčangβetmarkβ'e-it* также равняется '20': 7 + 13. Оба предложенных варианта противоречат логическому построению наименований круглых десятков в селькупских диалектах. Следовательно, первый вариант трактовки является единственно возможным.

Модели числительных 'восемьдесят' и 'девяносто'

Следует отметить, что числительные '80' и '90' зафиксированы не во всех диалектных подразделениях, они отсутствуют в материалах по тымскому диалекту и в говоре среднеобских сюсюкумов. Тем не менее имеющиеся варианты дают разнообразие моделей конструирования словоформ.

1. Название единицы $x + šarj\ddot{m}$ (*saru, sar, aro*)

'80': кетВ *šittä-tget saram, šittet'ädjgöt sarj\ddot{m}*; обС Ш *šedd'atgwetsaru*; обС Ч *šjđičanga-ro*;

'90': кетВ *oqart'ä-tget saram, okkirt'ädjgöt sārj\ddot{m}, okkarčätketsar*; обС Ш *okä-datgβetsaru*; обС Ч *okkjrčanga-ro*.

Модель развивается в наше время, охватывает достаточно большой диалектный ареал. Она выравнивает ряд круглых десятков '30 ... 90'.

2. '20' + 'отсутствует(ющий)' + '100'
'10' + 'отсутствует(ющий)' + '100'

Модель, основанная на аддитивном принципе, в современных диалектах непродуктивна, числительные с такой схемой построения встречаются спорадически в южных диалектах, а в северном ареале данная модель является для '90' нормой.

'80': кетС *čisārəm t'it'anguti ton*; тым. *šitsa-r d'änga töt*;

'90': кетС *köt t'it'anguti ton*; таз. ОчСЯ *köt cāṅkytyl' tōn*.

Предшествующий хронологический срез располагал данной моделью как единственной для обозначений '80' и '90', ср. у Кастрена *śeda harm(u) cangul tot*; МО *ses sarm ot tjal ton*; К *šitte saar tjal don*; NP *šitte saaram tjangedel ton*; Tschl. *sessarma tjeul don*; ОО *sedá tjeul ton*; В *šit sarman dja tuut* '80'; *oker har-mu cangul tot*; МО *oker sarm ot tjal ton*; К *oker saar tjal don*; В *ooker sarman dja tuut* '90'. Чаинский говор в записи Н. П. Григоровского также представляет эту модель: *сысáрмолчалтón* '80', *окырсáрмолчалтón* '90'.

Примечательно, что первый компонент числительного '90' в предшествующих материалах нигде не отмечен в виде *köt* '10'. Это свидетельствует о том, что *köt* введен в словообразовательную систему круглых десятков сравнительно недавно, а, следовательно, конкретный счет начинает уступать место абстрактному. Диалекты, сохранившие эту модель, сменили первый компонент *okersaar* на *köt*.

Соединительный компонент *t'anguti* имеет в одном из кетских говоров усложненный вариант *t'it'anguti* 'отсутствующий'. Семантическая нагрузка морфемы *t'i-* не ясна, в других современных формах она не встречается. В материалах Ю. Клапрота по саяно-самодийским языкам и двум селькупским диалектам встречаем *-de-*, *-ti-*, *-tu-* в следующих числительных: мат. *ob-denaua*, тайг. *op-ti-njásto*, караг. *ob-tu-jast*; таз. *okur-de-tádi*, Laak-ostj. *o'oker-gerder-ködt* '9'. Первые компоненты *ob-*, *op-*, *okur-* имеют значение 'один', третий компонент восходит к глаголу отрицания. Семантика элемента *-de-* на селькупском материале не расшифровывается. По местоположению в структуре словоформы ее можно квалифицировать как исторически отдельную морфему, выполнявшую роль соединительного элемента. Что это не преверб, явствует из примеров предшествующего временного среза, что это не энклитика, свидетельствует современная форма МЯ *čisārəm t'it'anguti ton* '80'.

Среди названных форм числительного 'девять' выделяется *o'okerger-der-ködt*, не имеющая аналогов ни в одном из современных диалектов. В ней усматриваются следующие компоненты: *o'oker* 'один', *ger* (*ge* 'остаток, излишек'), *der* (*de* неясной этимологии) и *ködt* 'десять'. Основное направление в построении словоформы отражают модели числительного 'девять', зафиксированные в XVIII веке: Str. Nar. *okresiawet* букв. 'один с десятью' и Tschl. *ockr-Yenjet* букв. 'один остатка десять'. Отличие состоит в том, что это числительное включает *-de-*. Более того, составные компоненты *-ge-* и *-de-* оформлены здесь суффиксом *-r*, который появляется вместо ожидаемого *-l* (*-gel*) 'лишний', *-del* (атрибутивная форма). Появление *-r* также не ясно.

3. Название единицы $x + köt$ (*köd*, *göt*) '10'

'80': обС III *šed'tarət köd*; обС Ч *šjđžangwet köt*; тым. *šedädängöt köt*.

'90': обС III *okkjr'tarət köd*; обС Ч *okəžangwet köt*; тым. *oqərdängöt köt*; кетВ *oqqjrtädjigötungöt*.

Особенностью морфологической структуры первого компонента среди названных форм выделяются обозначения '80' и '90' в говорах Шешкуп: *šed'tarət-* и *okkjr'tarət-*. В их структуре содержится послелог с разделительным

значением *t'ar 'po'*, таким образом первые компоненты, представляющие собой числительные первого порядка, — не количественные, а разделительные в родительном падеже. Они расшифровываются как 'по два десять', 'по одному десять'. Следует отметить также кет. *oqqirt'ādīgōtungōt* 'девятью десять', первый компонент *oqqirt'ādīgōtung-* оформлен наречным суффиксом *-ŋ*.

4. Название единицы *x + štaro* ('10' = '20')

'80': обС Ч *šədəčəŋwetštar-o*;

'90': обС Ч *okəržəŋwetštar-o*.

Модель непродуктивна, повторяет модель круглых десятков говора туюкумов (XVIII век).

5. Название единицы *x + tot* ('10' = '100')

'80': обС Ч *šedeča-ŋβel tot*; тым. *šedj'dängōt tot*;

'90': обС Ч *okkjrča-ŋβel tot*; тым. *oqardängōt tot*.

Модель непродуктивна, использование в функции второго множителя слова *tot* '100' стало возможным, видимо, вследствие тесных контактов селькупского языка с обско-угорскими языками, это привело к появлению обско-угорско-селькупской изоглоссы, ср. хант. *нивысот* '80' (8/100); *ярсот* '90' (9/100) (Терешкин 1966 : 328); восточноманс. *ńolsat* (*ńolšat*) '80', *ontalsat* (*ontalšat*) '90' (Кузакова 1990 : 109).

Обозначения '80' и '90' сохраняют статус словосочетания, причем первый компонент выступает в оформлении *-l*-овым суффиксом — грамматическим показателем атрибута. О том, что первые компоненты числительных '80' и '90' оформляются подобно грамматическому атрибуту суффиксом *-l*, говорят материалы чаинского говора: Григ. *сы-сармол-чал-тон* '80'.

6) Особая модель для '80': 2 x 40

Она отмечена только в тазовском диалекте: ОчСЯ *šitty tēsar*, и повторяет модель 2 x 4, по которой строится числительное '8' в тазовском диалекте и в других самодийских языках.

С точки зрения структуры основ обозначения круглых десятков, приближенных к 100, распадаются на

1) сложные, составленные из четырех корней; они появились первоначально как словосочетания, затем корни слились воедино: кетВ *oqqjr-t'ādj-gōtung-gōt* '90'; Григ. *сы-сáрмол-чал-тón* '80'; обС Ч *šədə-čəŋ-gwet-štaro* '80';

2) сложнопроизводные из трех корней и словообразовательной морфемы круглых десятков: кетВ *šit-čät-ket-sar* '80'; обС Ш *okə-d'at-gwet-saru* '80';

3) сложнопроизводные из двух корней и словообразовательной морфемы круглых десятков: обС Ч *šjđj-čəŋ-aro* '80', *okkjr-čəŋ-aro* '90'. Остальные обозначения данных круглых десятков остаются на уровне словосочетаний.

В диалектах селькупского языка числительные ряда '30 ... 90' образуются, как правило, мультипликативно, '80' и '90' — также на аддитивной основе. В построении обозначений круглых десятков участвует определенный набор лексических единиц, выступающих в качестве второго множителя. Присущие селькупским диалектам особенности отличают данную группу числительных от соответствующих образований в родственных языках. В северо-восточной группе языков, в камасинском, моторском и койбальском вторым множителем обозначений круглых десятков выступает '10': нен. *самляңг ю* '50', эн. *собрик биу* '50', нган. *нагјр би* '30', камас. *пáлурби* '30'. Отметим, что в камасинском языке собственные обозначения круглых десятков сохранились лишь для '20', '30' и '60' (см. Donner 1944 : 136), остальные вытеснены заимствованиями. В селькупском языке, как отмечалось, данная модель относится к более поздним явлениям. В самодийских языках модель продуктивна для всего ряда '20 ... 90',

а в селькупском произошла дифференциация моделей. Определенные параллели прослеживаются у селькупского языка с теми саяно-самодийскими языками, которые имеют свою специфику конструирования названий круглых десятков. К ним относится карагасский язык, который использует в качестве словообразовательного форматива компонент *tut*, не являющийся обозначением '10': *P güde tut* '20', *nahurtut* '30', *deittetut* '40' и абаканский *Str. noghtuserm* '30', *nogh-opptuserm* '40', *soum-thuserm* '50', имеющий в роли второго множителя лексему *tuserm* '20'. Напрашивается вывод о том, что селькупские диалекты сохранили некоторые черты из времен совместного проживания самодийских племен или их тесного контактирования, развили собственные модели, не имеющие аналогов в самодийских языках (имеется в виду аддитивный способ образования круглых десятков). Не исключено, что некоторые модели были заимствованы селькупским из соседних языков, но при этом заимствованные модели наполнялись собственными числовыми обозначениями (модель для '80' и '90' с участием *tot* '100').

В принципе селькупские диалекты обнаруживают типологически сходные с финно-угорскими и енисейскими языками пути конструирования названий круглых десятков, которые также содержат в качестве второго множителя как современное (прибалтийско-финские, мордовские, угорские (до '70') языки), так и древние обозначения '10', сохранившиеся только в составе круглых десятков в качестве их словообразовательного форматива. К ним относятся *-tijn*: удм. *куамын* '30', коми3 *комын* '30', *нелямын* '40', и *don, ton*: удм. *ныльдон* '40', *витьтон* '50', *куатьтон* '60' (Тепляшина 1966 : 268; Лыткин 1966 : 289; Honti 1990 : 104). Компонент названий селькупских круглых десятков *sarjm* функционально тождествен удм. *don, ton*, значение которого в праудмуртском было '... цена, равная десяти беличьим шкуркам' (ОФУЯ 1976 : 158). Аналогичный путь моделирования названий круглых десятков встречаем в енисейских языках с компонентом *тукн, тукнг*, не являющимся обозначением '10'. Характерно, что и в енисейских языках эта модель могла распространяться только на ряд '30 ... 70', а далее вступал в действие субтрактивный принцип (см. Дульзон 1968 : 131—133). В ареале обско-угорских, селькупского и енисейских языков в обозначениях '80' и '90' прослеживается лексема со значением '100', причем в селькупском языке присутствуют модель, свойственная енисейским языкам, и модель, характеризующая обско-угорские языки.

В других языковых семьях имеются свои особенности системы обозначений круглых десятков. Так, в большинстве тюркских языков числительные от 20 до 50 не связаны с соответствующими числительными первого десятка, а от 60 до 90 образуются от слов, обозначающих соответствующие единицы (Щербак 1977 : 140). Простыми производными являются числительные от 20 до 50 в нанайском языке, а остальные производны от числительных первого десятка (Аврорин 1968 : 137). В эскимосском языке четные десятки представляют собой притяжательное сочетание числительного в форме относительного падежа со словом *ивē* (от *ивэк* 'наполнение, содержание'), а нечетные содержат '10' (Меновщиков 1980 : 86).

В большинстве северных языков в основе образования круглых десятков лежит десятичный принцип с участием '10', имеются суффиксальные образования, например, в улчском, орокском языках (Суник 1968 : 158; Петрова 1968 : 179). Из самодийских языков таким словообразовательным приемом владеет энецкий, в котором числительные, кроме '20' и '30', образуются при помощи суффикса *-ĭ*: *тетуй* '40', *собригуй* '50' (Сорокина 1989 : 5). В чукот-

ском языке имеется счет двадцатками, например, *нирэ́ккликин* 'сорок (два по двадцать)'. В состав таких числительных входит лексема со значением 'человек (мужчина) как обладатель всех пальцев на руках и ногах' (Скорик 1961 : 387, 388).

Анализ материала показывает, что в селькупских диалектах достаточно высока вариативность обозначений круглых десятков. Но при этом лишь некоторые модели претендуют на роль ведущих. Специфические диалектные формы сосуществуют в современных диалектах с общеселькупскими, они либо унаследованы от праужносамодийского, либо приобретены в процессе контактирования с другими языками. Исторические изменения приводят к выравниванию числовых рядов, но еще довольно стабильна дифференциация моделей в пределах числового ряда. При синхронном подходе можно считать новообразованием модель с использованием обозначения '10' в качестве второго множителя. В диахронии, с учетом внешних сравнений, данное явление может считаться восстановлением ранее утраченной модели.

Сокращения

мот. — моторский язык; **диалекты селькупского языка:** ел. — елогуйский, **кетВ** — верхнекетский, **кетН** — нижнекетский, **кетС** — среднекетский, **обС** — среднеобский, **таз.** — тазовский, **турух.** — туруханский, **тым.** — тымский, **Марк.** — Марково, **С** — сюсюкумы, **Ш** — шешкупы, **Ч** — чумылькупы.

Григ. — Н. П. Григоровский, Азбука сýссогой гýлани. Для инородцев нарымского края. Издание Православного Миссионерского Общества, Казань 1879; **ОФУЯ** — Основы финно-угорского языкознания, Москва 1974; **ОЧСЯ** — А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимскай, Е. В. Грушкина, Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект, Москва 1980; **Т** — Материалы Н. М. Терещенко; **ТМ** — Томские материалы по селькупскому языку; **Ј** — J. J a n h u n e n, Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien, Helsinki 1977 (Castrenianumin toimitteita 17); **Castrén** — Материалы М. А. Кастрена; **СL** — Samojedische Sprachmaterialien. Gesammelt von M. A. Castrén und T. Lehtisalo. Herausgegeben von T. Lehtisalo, Helsinki 1960 (MSFOu 122); **Клар.** — J. von K l a r g o t h, Sprachatlas 1823. — Samojedische Wörterverzeichnisse, gesammelt und neu herausgegeben von K. Donner, Helsinki 1932 (MSFOu 64); **Str.** — F. J. von S t r a h l e n b e r g, Sprachmaterialien. — Samojedische Wörterverzeichnisse, gesammelt und neu herausgegeben von K. Donner, Helsinki 1932 (MSFOu 64).

ЛИТЕРАТУРА

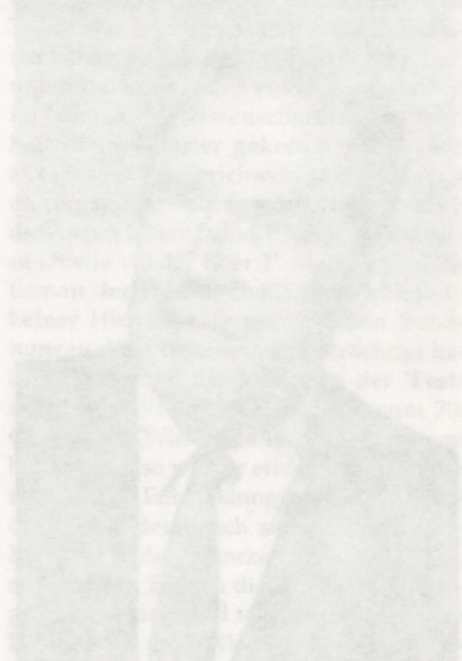
- Аврорин В. А.** 1968, Нанайский язык. — Языки народов СССР. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки, Ленинград, 129—148.
- Беккер Э. Г.** 1965, Селькупские топонимы Западной Сибири. Автореферат канд. дисс., Томск.
- Григоровский Н. П.** 1879, Азбука сýссогой гýлани. Для инородцев Нарымского края. Издание Православного Миссионерского Общества, Казань.
- Деннинг Н. В.** 1984, Фонетика тымского диалекта селькупского языка. Автореферат канд. дисс., Томск.
- Дульзон А. П.** 1968, Кетский язык, Томск.
- Кастрен М. А.** 1860, Путешествие А. Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири. — Магазин земледения и путешествий. Географический сборник, том VI, часть II.
- Климов Г. А., Эдельман Д. И.** 1987, О вигезимальной системе словообразования числительных. — Сущность, развитие и функции, Москва, 31—37.
- Кузакова Е. А.** 1990, Имя числительное в восточномансийском диалекте. — LU XXVI, 109—111.
- Кузьмина А. И., Кюннап А.** 1986, Числительные в новосондровском говоре селькупского языка. — FU 13, 159—165.

- Купер Ш. Ц. 1983, Некоторые особенности консонантизма в сюсюкумских говорах селькупского языка. — Вопросы енисейского и самодийского языкознания, Томск, 90—94.
- Кюннап А. 1965, О непоследовательностях в произношении современного камасинского языка. — СФУ I, 47—52.
- Лыткин В. И. 1966, Коми-зырянский язык. — Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки, Москва, 281—299.
- Майтинская К. Е. 1979, Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков, Москва.
- Меновщиков Г. А. 1980, Язык эскимосов Берингова пролива, Ленинград.
- Морев Ю. А. 1973, Звуковой строй среднеобского (ласкинского) говора селькупского языка. Канд. дисс., Томск (рукопись).
- 1975, К вопросу о происхождении аффрикат в селькупском языке. — СФУ XI, 281—286.
- 1985, Изменения согласных по способу артикуляции в селькупском и ненецком языках. — Структура самодийских и енисейских языков, Томск, 63—77.
- Петрова Т. И. 1968, Орокский язык. — Языки народов СССР. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки, Ленинград, 172—191.
- Прокофьев Г. Н. 1935, Селькупский (остяко-самоедский) язык. Селькупская грамматика, Ленинград.
- Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. 1979, Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Учебное пособие для вузов, Баку.
- Скорик П. Я. 1961, Грамматика чукотского языка. Часть I. Фонетика и морфология именных частей речи, Москва—Ленинград.
- Сорокина И. П. 1989, Числительные в энецком языке. — Языки народностей Севера: грамматика, диалектология, Якутск, 3—10.
- Сунник О. П. 1968, Ульчский язык. — Языки народов СССР. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки, Ленинград, 149—171.
- Тепляшина Т. И. 1966, Удмуртский язык. — Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки, Москва, 261—280.
- Терешкин Н. И. 1966, Хантыйский язык. — Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки, Москва, 319—342.
- Хелимский Е. А. 1982, Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. Лингвистическая и этногенетическая интерпретация, Москва.
- 1993, Селькупский язык. — Языки мира. Уральские языки, Москва, 356—371.
- Щербак А. М. 1977, Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя), Ленинград.
- Фатнева В. Д. 1989, К проблеме возникновения индоевропейских обозначений числового ряда. — Типологические исследования лингвистических категорий, Томск, 29—34.
- Вескер, Е. 1994, Morphologie der sölkupischen Dialekte. Entwicklungstendenzen der grammatischen Strukturen der sölkupischen Dialekte. — Materialien zum internationalen Workshop "Sprachen und Kulturen der (indigenen) Völker Sibiriens". 23—28. November 1994, Hamburg, 5.
- Доннер, К. 1932, Samojedische Wörterverzeichnisse. Gesammelt und neu herausgegeben von Kai Donner, Helsinki (MSFOu 64).
- Дулсон, А. 1971, Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen. — СФУ VII, 35—43.
- Янхунен, J. 1977, Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien, Helsinki (Castrenianumin toimitteita 17).
- Янугрик, Т. 1985, Kriterien zur Klassifizierung der Dialekte der samojedischen Sprachen. — Dialectologia Uralica, Wiesbaden, 283—301.
- Юки, А. 1975, Über einige Zahlwörter im Samojedischen. — CIFU III, Pars I, 729—732.
- Нонти, L. 1990, Die Bezeichnungen der 10 und ihrer Vielfachen in den uralischen Sprachen. — LU XXVI, 99—108.

V. V. BYKONJA (Tomsk)

DER STRUKTURELLE AUFBAU DER ZEHNERBENENNUNGEN IN DEN SELKUPISCHEN DIALEKTEN

Im Artikel werden die Benennungen der Zehner hinsichtlich ihrer Modellierung und geschichtlicher Veränderungen analysiert. Man betrachtet die lautlichen und die semantischen Besonderheiten deren Bestandteile im gegenwärtigen Zustand, und man vergleicht sie mit den bevorstehenden Etappen der selkupischen Sprachgeschichte.

В статье анализируются названия десятков с точки зрения их моделирования и исторических изменений. Рассматриваются звуковые и семантические особенности их компонентов в современном состоянии, и они сопоставляются с предстоящими этапами истории селкупского языка.

В статье анализируются названия десятков с точки зрения их моделирования и исторических изменений. Рассматриваются звуковые и семантические особенности их компонентов в современном состоянии, и они сопоставляются с предстоящими этапами истории селкупского языка.